

Воинская доблесть в «Хронике» Салимбене

О Салимбене, монахе-францисканце из Пармы, в мировой историографии сказано немало. Его персона и главный его текст – «Хроника» – привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей. В российской историографии изучение «Хроники» также имеет давние традиции.

Данная работа затрагивает проблему восприятия воинской доблести, того, как она представлена в сочинении монаха-францисканца. Как отмечает А. Сеттия, может сложиться впечатление, что «Хроника» сплошь посвящена войне [1, Р. 229]. Складывается впечатление, что Салимбене чаще говорит не как монах, а как воин. При этом Салимбене представляет францисканскую культурную традицию. Поэтому имеет смысл поместить его представления в некий контекст, обозначенный с одной стороны фигурой св. Франциска, а с другой – Раймона Луллия, известного в т.ч. как автор трактата об идеальном рыцарстве.

В историографии давно утвердилось представление о взаимосвязи истории ранних францисканцев и рыцарской культуры. Данное явление стало своего рода «общим местом» в реконструкции биографии св. Франциска. Например, В.И. Герье, равно как и Л.П. Карсавин, с опорой на источники, говорят о своеобразном образе жизни, характерном для юного Франциска, о склонности к «рыцарскому быту» [4, С.8] и о превращении его в «Божьего рыцаря» [5, С.286]. П.М. Бицилли ярко обрисовывает взаимодействие между клерикальным и рыцарским началом в контексте истории становления и развития ренессансной культуры. М. С. Самарина говорит о как бы рыцарской, куртуазной стороне жизни ордена миноритов и обращает внимание на литературный источник этики и эстетики св. Франциска – рыцарские романы [9, С.121]. В русле этой традиции М. С. Самарина, проводя ряд любопытных параллелей между св. Франциском, Дон Кихотом и Христом и, говоря о «пограничности» и экспрессивности действий миноритов, отмечает, что «многие чудеса, совершённые Франциском, напоминают подвиги странствующего рыцаря» [9, С.120].

С другой стороны, можно соотнести текст Салимбене с «Книгой о рыцарском ордене» (1275) Луллия, ярким примером кодификации рыцарского этикета. В.Е. Багно считает, что подобная кодификация была вынужденной мерой в период девальвации рыцарских ценностей, когда, в частности, важно было отграничиться от «третьего сословия» [3, С.243]. При этом автору трактата чужд культ Прекрасной Дамы [3, С.244]. В свою очередь и Салимбене, в соответствии с духом религиозного аскетизма, весьма далёк от куртуазной любви.

При этом главным образцом собственного жизнеописания для Салимбене является св. Франциск, «рыцарь в душе и потомок французских рыцарей» [9, С.120]. Вполне очевидны параллели между биографией святого и его последователя в плане их внутренней истории (сюжет отречения от отца в пользу Отца Небесного, постижение духовного смысла Бедности и милостыни, сон как форма осмысления своего предназначения и пр.).

Схожими являются и некоторые внешние обстоятельства жизни св. Франциска, Салимбене и Луллия. Сведения о семье Салимбене, приведённые автором «Хроники», свидетельствуют о его происхождении из среды городского нобилитета. Точно также св. Франциск и Р. Луллий имеют благородные корни. Вообще, становление монашества тесно связано с развитием военного сословия [2, Р.40]. Тот же Луллий прямо сопоставляет клириков и рыцарей, деятельность которых направлена на «народ» [7, С.80]. Салимбене, в свою очередь, связан с миром *bellatores* [2, Р.41] не только теоретически, но и практически.

Данные о жизни Салимбене содержатся в самой «Хронике». Изначально он воспитывается как представитель знати, наследник рода и воин. Салимбене, по мысли своего отца, должен был стать рыцарем. Незнакомец, стыдящийся Салимбене за выбор в пользу монашеской жизни, так изображает то, чем Салимбене следовало бы заниматься: «ты должен был бы только гарцевать на коне по улицам Пармы и, участвуя в турнире, доставлять радость пребывающим в печали, дабы дамы тобою любовались, а гистрионы утешались» [8, с.52]. Приводя эти слова, Салимбене подчёркивает суетность подобной жизни. В то же время необходимо отметить, что Салимбене, будучи причастным к нобилитету,

в течение жизни сохраняет элитаризм и часто проявляет к «простонародью» нескрываемое презрение, «разделяя “предрассудки” своего класса» [6, С.847]. «Низкое происхождение» часто является аргументом для критики. В контексте рассуждения об отношениях нобилей и пополанов Болоньи Салимбене делает заключение, приложимое к множеству иных ситуаций, что «пополаны и мужланы приводят мир в беспорядок, а рыцари и нобили сохраняют его» [8, С.702].

Вся жизнь Салимбене проходит на фоне борьбы императоров и папства. Парма была аристократической республикой, ярким образцом коренных противоречий, расколовших городское общество XIII в. В свою очередь и отношение к войне, как считает А. Сеттиа, в изложении Салимбене отмечено противоречивостью [1, Р.229]. Война воспринимается и как инструмент реализации божьей справедливости, и как сфера совершенствования профессиональных навыков вне этической оценки [1, Р.231]. Если война – инструмент Бога, то и минориту не зазорно поучаствовать. С другой стороны, лично Салимбене в сражениях не участвует, а в ситуациях, требующих применения силы, только ссылается на Писание.

При этом, конечно, Салимбене, сам занимающий сторону церкви, сочувственно относится к нобилям, участвующим в войне на верной стороне, оценивая их исходя из некоего идеала. Одним из образцов, воплощающих рыцарский идеал в тексте Салимбене, является царь Саул, который «был мужем неустрашимого сердца» [8, С.141]. При этом он же был из тех, кто «хорошо начинают и плохо кончают» [8, С.198], т.е. воинская ипостась героя может рассматриваться Салимбене отдельно от качеств правителя, который «потерял царство по своей вине» [8, С.450]. Другим образцом является, конечно, Карл Великий, сравнения с которым удастаиваются две фигуры – Иоанн де Бриенн, король Иерусалима, и пармский рыцарь Бернардо Росси.

Иоанн Иерусалимский, король, ставший под конец жизни францисканцем, описывается Салимбене как идеальный рыцарь, страшный для врагов, но думающий более о душе, нежели чем о теле [8, С.50-51]. Описывая его достоинства, Салимбене как бы мимоходом

упоминает и магистра ордена миноритов Александра, которого называет «лучшим клириком». Рыцарь и клирик, таким образом, составляют равновесную пару.

Бернардо Росси, пармский нобиль, служивший императору, но, под угрозой предательства, ушедший и участвовавший в разгроме Фридриха II под Витторией (1248), в оценке Салимбене также подобен Карлу Великому [8, С.218]. Салимбене видел его в деле и оценивает в качестве лучшего военачальника.

Одним из атрибутов рыцаря является конь, «самое благородное из всех животных» [7, С.77]. Сюжеты, по которым прослеживается особая роль рыцарского коня в формировании образа рыцаря, в «Хронике» представлены чрезвычайно широко.

Значимым местом проявления воинской доблести является рыцарский турнир, который сам по себе оценивается Салимбене нейтрально. Упоминание его может подчёркивать как недостойное поведение или вероломство, так и рыцарское достоинство, соответствующее высочайшим идеалам.

Наиболее ярко воинская доблесть проявляется непосредственно в сражении. Салимбене в своём рассказе, когда это возможно, разделяет рыцарей и пополанов. Правильная битва – между рыцарями, попопаны ненадёжны и могут становиться причиной неудач. Именно нобили, как правило, совершают воинские подвиги и принимают героическую смерть в бою.

Важно то, что на войне между сторонниками империи и папства, «жестокой, запутанной и опасной» [8, С.196], сталкиваются сограждане, друзья и делаются вещи, не вполне соответствующие идеальным представлениям. Поэтому иногда прямая речь Салимбене звучит вне готовых шаблонов и формул.

Характерна в этом смысле история пармского nobilia Герарда дель Канале, который во время осады Пармы старался поддерживать дружеские отношения и с императором, и с городом. Салимбене лично предостерегает его от такой двойственности. Интересно здесь индифферентное отношение Салимбене к предлагаемому выбору: и достойно, и разумно оказывается просто занять определённую сторону

(хотя бы и сторону врага церкви!). Так же интересна, к примеру, оценка действий Симоне деи Манфреди, сторонника церкви, друга Салимбене и «великого воителя». Несомненно, Салимбене сознаёт существование военной необходимости, которая если не совсем искупает, то хотя бы объясняет творимую жестокость.

Другое дело, когда в последующих после упадка Штауфенов столкновениях формальное разделение на сторонников империи и папы перестаёт отвечать реальному положению вещей. Например, перуджийцы разоряют Фолиньо вопреки папе, а кремонцы предательски захватывают Сончино (1282) [8, С.558-559]. Раскол в Модене (1283) происходит в силу внутренних причин, ряда вероломных убийств, а отнесение партий к стороне папы или императора оказывается формальным [8, С.576]. В сражении у о. Мелория (1284) генуэзцы одерживают верх над пизанцами, однако, как пишет Салимбене, «никто не мог похвастаться, что он лучше, потому что счастье не сопутствовало никому» [8, С.582].

В целом текст Салимбене несёт в себе неизгладимый отпечаток рыцарского этоса. Несомненно принадлежа францисканской традиции, он разительно отличается от восторженного и высокого настроения, характерного для св. Франциска. Общее в восприятии воинской доблести Салимбене прослеживается с идеями Луллия, но и здесь Салимбене самобытен. Он пишет не как мистик или учёный, а как любопытный прагматик, поэтому в его тексте крайне характерно и своеобразно выражается соотношение между воинским идеалом и реалиями, к которым данный идеал прилагается.

Литература

1. Settia A.A. «Ista Maledictio Guerrarum». Il fenomeno bellico nella «Cronica» di Salimbene da Parma // Salimbeniana. Atti del convegno per il VII Centenario di fra Salimbene. – Parma: Radio Tau, 1991. – P. 229–239.
2. Smith K.A. War and the making of medieval monastic culture. – Woodbridge, Rochester NY: The Boydell Press, 2011. – 239 p.
3. Багно В.Е. Трубадур Христа // Рамон Льюль. Книга о любящем и возлюбленном. Книга о рыцарском ордене. Книга о животных. Песнь

Рамона / Подгот. В.Е. Багно. – 2-е изд., стер. – СПб.: Наука, 2003. – С.191-249.

4. Герье В.И. Франциск. Апостол любви и нищеты. – М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1908. – 347 с.

5. Карсавин Л.П. Очерки религиозной жизни в Италии XII-XIII веков. – СПб.: Типография М.А. Александрова, 1912. – 870 с.

6. Кудрявцев О.Ф. «Хроника» францисканца Салимбене де Адам: Историописатель и время // Салимбене де Адам. Хроника / Пер. с лат. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 825–861.

7. Льюль Р. Книга о рыцарском ордене // Рамон Льюль. Книга о любящем и возлюбленном. Книга о рыцарском ордене. Книга о животных. Песнь Рамона / – 2-е изд., стер. – СПб.: Наука, 2003. – С.71-132.

8. Салимбене де Адам. Хроника / Пер. с лат. – М.: РОССПЭН, 2004. – 981 с.

9. Самарина М.С. Франциск Ассизский и Дон Кихот Ламанчский // Самарина М.С. Франциск Ассизский и его наследие: от истоков к современности. – СПб., Изд-во СПб. унт-та, 2008. – С.114-126.

Кондратенко А. А.
БГУ (Минск)

Венгерско-половецкие отношения конца XI – XII веков

Вопрос о венгерско-половецких отношениях, в целом ускользает от внимания исследователей. Наиболее известной работой по этой теме является фундаментальный труд венгерского историка Иштвана Дьярфаша «История Яс-Кунов», в котором всесторонне рассматривается комплекс взаимоотношений между Венгерским королевством и кунами. Автор на основе широкого использования источников показывает сложные и противоречивые отношения между венгерскими королями и половецкими племенами, когда войны перемежались с временными союзами.

Взаимоотношения Половецкой степи с Венгрией в данный период времени не могут быть охарактеризованы как стабильный союз или вражда, многочисленные войны двух сторон. Венгерские короли